

Если бы те сородичи из Клана Лисиц, что сейчас отчаянно сражались и давали отпор на Снежной горе, узнали, что Ху Тянь в этот момент вовсе не связан подлыми делишками Клана Юху, а всё это время сидит с Юань Цзыжу и занят лишь любованием цветами при луне, они, пожалуй, от лютой ненависти изблერнули бы кровью.

Что же до Ху Тяня и Юань Цзыжу...

В самом начале, как только пошли слухи о том, что он подставил Юху Хуаи, в тот самый вечер, когда Юань Цзыжу вернулся из отлучки, Ху Тянь задал ему всего один простой вопрос:

— Ты доволен этим?

Юань Цзыжу вовсе не опасался, что тот раскусит правду, а услышав вопрос, лишь беззаботно кивнул и с улыбкой произнёс:

— Разумеется, доволен.

Услышав это, Ху Тянь не только не разгневался, но даже слегка усмехнулся и с облегчением выдохнул:

— Раз так, то и хорошо!

Когда он развернулся и ушёл в дом, Юань Цзыжу, ещё некоторое время молча стоявший во дворе, на удивление редкому случаю выказал лёгкое недоумение.

В конце концов, он лишь покачал головой, решив больше не размышлять об этом, тряхнул рукавами и неторопливо последовал за ним внутрь.

А уж откуда именно Ху Тянь узнал, что за этим делом стоит он, и каковы были его истинные мысли — об этом Юань Цзыжу даже ленился задумываться.

Его недавнее недоумение на самом деле сводилось к тому, что после ложного обвинения противник разве не должен был выказать куда больше гнева или недовольства? Но почему теперь казалось, будто настроение этого человека не только не испортилось, а даже напротив, улучшилось?

Хотя вся эта история с Юху Хуаи, похоже, не смогла по-настоящему испортить Ху Тяню жизнь, Юань Цзыжу подумал, что у него в любом случае остаётся еще масса других способов, и потому оставил эту мысль.

С тех пор прошло ещё несколько дней. Ранним утром Юань Цзыжу, как обычно, лениво дремал во дворе, в то время как Ху Тянь, стоя неподалёку, так же молча глядел в небо, как вдруг почувствовал, что некая вещьца у него на груди сильно нагрелась.

Внезапно помрачнев в лице, Ху Тянь тут же протянул руку и вытащил раскалившийся красный заклинательный треугольный талисман. Выслушав весть, доставленную оттуда, он, ещё мгновение назад бывший совершенно спокойным, теперь вспыхнул бушующими волнами ярости.

Юань Цзыжу на самом деле уже давно знал, что именно в этот день их люди пойдут на штурм, а потому, лёжа там, вовсе не спал, а всё это время прислушивался к происходящему у Ху Тяня.

И когда он наконец услышал, как тот бросил собеседнику: «Я немедленно возвращаюсь», — Юань Цзыжу тут же перевернулся и сел в плетёном кресле.

Стоит ли говорить, что для человека вроде него, который сколько ни спит — всё мало, испытывать в такой момент иступление, когда его раз за разом клонило в сон, но приходилось силой заставлять себя бодрствовать, было куда менее приятно, чем просто подняться и заняться реальными делами.

Увидев, что Ху Тянь, сказав эти слова, действительно собирается уходить, Юань Цзыжу тут же преградил ему путь.

Заметив такой манёвр, Ху Тянь опустил голову и нахмурился:

— У меня срочные дела. Побудь пока дома послушно.

С этими словами он попытался ускользнуть, но Юань Цзыжу, разумеется, не собирался позволять ему добиться своего. Сделав шаг следом, он неторопливо и преградил ему дорогу.

В конце концов Ху Тянь, видимо, что-то заметив, некоторое время молча всматривался в него, после чего его лицо стало всё больше омрачаться.

— Чего ты хочешь?

Юань Цзыжу озарил его лучезарной улыбкой и с абсолютно невозмутимым видом бросил в ответ:

— Ху Тянь, я вдруг соскучился по тем лунным белым цветам.

Произнеся это, он не только стал выглядеть ещё ослепительнее и краше, но и слова, слетевшие с его слегка приоткрытых алых губ, были наполнены неотразимым очарованием.

— Не мог бы ты составить мне компанию и взглянуть на них ещё разок? Пойдём к тому маленькому бережку, что принадлежит только нам двоим, и посмотрим на те лунные белые цветы, что цветут лишь для нас двоих!

Выслушав эти речи и одновременно столкнувшись с его выражением лица и взглядом, которые ни на йоту не отличались от прежнего Шань Жуна, Ху Тянь почувствовал, как в глубине его

души вспыхнула волна безумного восторга. Его крепко сжатые кулаки тут же разжались, и он с силой заключил Юань Цзыжу в объятия, прижав к своим плечам.

— Ты вернулся? Наконец-то вернулся?

Юань Цзыжу, конечно, прекрасно понимал, почему тот так себя ведёт. Долгожданное желание, казалось, наконец-то исполнилось, и в такой момент, кто бы ни оказался на его месте, наверняка потерял бы голову точно так же, как этот Ху Тянь!

Привычным движением подняв руку, Юань Цзыжу легко огладил тыльную сторону его ладони, а его взгляд наполнился нежной глубиной:

— Конечно вернулся! Ведь я так по тебе соскучился!

Даже движение, с которым он, лукаво улыбнувшись, склонил голову набок, было точь-в-точь как прежде — настолько естественное, будто между ними никогда и не прерывалось это привычное проявление нежности.

Услышав это, Ху Тянь сжал руки на плечах Юань Цзыжу ещё крепче, а его безумный взгляд теперь постепенно успокаивался.

Заметив это, Юань Цзыжу произнёс:

— Так я ведь хочу посмотреть на лунные белые цветы. Ху Тянь, ты пойдёшь со мной или нет?

Он дёрнул Ху Тяня за рукав и сильно качнул им. От этого движения на лице Ху Тяня вновь проступила улыбка, которую он не мог сдержать.

— Ладно, пойду с тобой. С этих пор, куда бы ты ни отправился, я буду неотлучно следовать за тобой по пятам.

Произнеся эти слова, Ху Тянь, чей лик был озарён глубокой радостью, в которую, возможно, примешивалось что-то ещё, медленно ослабил объятия, пока наконец полностью не заключил Юань Цзыжу на своей груди. Только тогда его метавшееся с самого начала сердце наконец обрело былую размеренность.

На его губах застыла улыбка: левая рука крепко держала Юань Цзыжу за талию, а правая ласково и плавно гладила по спине.

Стоит признать, что это умение Ху Тяня было доведено до совершенства — судя по всему, в прошлом он проделывал подобное бесчисленное множество раз. Во всяком случае, Юань Цзыжу, находившийся сейчас в этом теле, ощущал себя весьма комфортно, когда его вот так «гладили против шерсти».

Воспользовавшись тем, что у него ещё оставалось достаточно самообладания, чтобы удержать

ускользающее от сонливости сознание, Юань Цзыжу мягко пощекотал слух Ху Тяня:

— Раз уж так, почему до сих пор не ведёшь меня туда?

Услышав этот упрёк, Ху Тянь вновь издал из глубины горла раскатистый довольный смех, после чего нехотя отпустил его, повернулся к нему спиной и согнул поясницу.

Юань Цзыжу с поразительным послушанием легко подпрыгнул, и стоявший впереди Ху Тянь тут же подхватил его руками, надёжно устроив у себя за спиной.

После этого они, казалось, совершенно беззаботно и неспешно, в мгновение ока добрались до тех мест, где раскинулись заросли лунных белых цветов.

Усевшись в том самом уголке, где Шань Жун и Ху Тянь сживали раньше, Юань Цзыжу слегка наклонил голову влево и с улыбкой прислонился к плечу находившегося рядом Ху Тяня.

С той самой минуты и до самого конца они больше не произнесли ни слова, просто молча созерцая цветы и воду перед собой. На какое-то мгновение и впрямь возникла иллюзия безмятежности проживаемых лет.

Лишь когда они просидели так, глядя на небо и землю, до самого полудня, Ху Тянь наконец заговорил первым:

— Красиво?

Голос Юань Цзыжу звучал безмятежно:

— Красиво.

— Я тоже так считаю. Правда, поначалу, когда я ничего не понимал, мне казалось, что в этом месте нет ничего, кроме самого обыкновенного пейзажа.

Протянув руку и слегка развернувшись, он стал то и дело легко касаться волос Юань Цзыжу.

— В прошлые времена, когда я говорил, что люблю лунные белые цветы, на самом деле я лишь замечал, как сильно ты к ним привязан. И раз уж они нравились тебе, я думал: о, пусть будет так, как ты хочешь!

Не прекращая своих движений, Ху Тянь продолжал говорить, сам не зная, к кому именно обращается:

— Но с тех пор, как ты будто бы потерял к ним интерес, я хоть и удивлялся, но не стал вдаваться в подробности. Я лишь думал, что ты еще совсем молод, а потому непостоянство в твоём возрасте — дело самое обыкновенное.

На этих словах его движения разом утратили размеренный ритм.

— Теперь же, вспоминая об этом, я нахожу те мысли чересчур смехотворными. Мне следовало знать! Я должен был давно понять: разве мог такой постоянный в своих чувствах человек, как ты, вот так просто взять и бросить то, что некогда любил?

Тихий бормочущий шёпот Ху Тяня не прекращался:

— Если бы с самого начала я заметил, что с тобой что-то не так, неужели мы с тобой не пришли бы к тому, к чему пришли? Неужели теперь ты ненавидишь меня настолько, что жаждешь гибели и полного рассеивания душ для всех моих мириад сородичей из Клана Лисиц?

Повернув голову, он с нежностью смотрел на Юань Цзыжу, и хотя на его лице всё ещё держалась улыбка, сейчас она казалась невероятно горькой и опустошенной.

— Или же... всё это исходит вовсе не от него, а от тебя?

Как только Ху Тянь задал этот вопрос, Юань Цзыжу с пониманием выпрямил верхнюю часть туловища. Повернувшись к нему лицом, он обнаружил, что собеседник не сводит с него глаз.

Однако на этот раз Юань Цзыжу не выказал и тени улыбки. Бросив на него взгляд, он медленно отвёл взор к раскинувшемуся перед ними мирку.

Ху Тянь всё же ничего не понимал. Он не понимал, что помимо того, что Шань Жун изливал свои чувства среди этих лунных белых цветов из-за их общего знакомства и понимания, в них таился и другой, прекрасный глубокий смысл.

И потому Юань Цзыжу, которому выдалась редкая минутка досуга, не стал отвечать на его вопрос сразу, а лишь протянул палец и указал на небольшой цветок неподалёку.

— Смотри, этот лунный белый цветок, даже палимый сейчас палящим полуденным солнцем, всё равно не вянет и не тускнеет, в отличие от прочих сотен цветов. Скажи же, Ху Тянь, знаешь ли ты, что именно Шань Жун надеялся донести до тебя в своём сердце?

Суставы сжатых кулаков Ху Тяня побелели.

Юань Цзыжу вовсе не собирался добиваться от него ответа на этот вопрос. Наклонившись, он слегка щёлкнул по заигрывавшему с ним от лёгкого дуновения ветерка озорному белому цветочку.

— Он лишь хотел, чтобы чувства вас двоих, подобно этому цветку, выдержали бесчисленные невзгоды этого мира и остались неизменными!

Вновь легко вздохнув, он продолжил:

— Но разве тот глупый ребёнок понимал? Что в этом мире способно оставаться целостным и невредимым с самого начала времён и до самого конца?

Снова повернувшись к Ху Тяню, он произнёс:

— Скажи, разве он не глуп, раз думал так?

Видя, что погруженный в собственные мысли Ху Тянь лишь поджал губы и хранит молчание, Юань Цзыжу не стал допытываться дальше. Медленно поднявшись на ноги, он одним щелчком пальцев стряхнул с одежды всю прилипшую пыль.

Шагая против света, он остановился прямо перед Ху Тянем, из-за чего тому пришлось изо всех сил задрать голову, чтобы попытаться разглядеть его лицо, но черты всё равно оставались нечёткими.

— Ху Тянь, давай заключим сделку? Если в течение сегодняшнего дня, за эти двенадцать часов, ты останешься здесь и никуда не уйдёшь, я пообещаю дать тебе возможность вновь повидаться с Шань Жуном в скором будущем. В противном случае боюсь, что до конца своих дней ты больше никогда с ним не встретишься!

Наклонившись так, что их дыхание почти смешалось, Юань Цзыжу мягко усмехнулся:

— Ты же знаешь: если я что-то пообещал, то обязательно исполню! Ну что, Ху Тянь, каков твой ответ?

<http://bllate.org/book/22153/2307666>